

ЭРИК БРУКС ОУЭН, гражданин Соединенных Штатов Америки, молодой человек с ясным взглядом и кроткой внешностью (в которой, тем не менее, явственно проступают скандинавские корни, отчего легко видишь его в облачении викинга) преподает английский язык в Самарском госуниверситете. Не являясь сотрудником какой бы то ни было из групп, пытающихся выпестовать в россиянах недостающие христианские

проникнуть к ним в дом, проповедовать... На востоке, на юге страны религия играет гораздо большую роль, чем, к примеру, в Сиэтле, откуда я приехал. Если спросить людей, с которыми я там общался, об их религиозных представлениях, они ответят: "Ну... Наверное, Бог есть..." Дальше они не пойдут. До того, как мне исполнилось четырнадцать лет, мать водила меня в лютеранскую церковь, чтобы дать мне возможность увидеть, что это такое, выбрать. Мне там нравились люди. Так же, наверное, как и люди в католической школе, где я учился.

пребывали в замешательстве относительно того, в каком же русле им работать. Лоуэлл - прекрасный тому пример. Думаю, он почувствовал себя в какой-то степени свободнее на чтениях битников...
- На мой взгляд, сейчас достаточно явно проявляется стремление авторов к демонстрации полной независимости от воспринимающего субъекта, при которой вообще отсутствуют какие бы то ни было отношения между пишущим и читающим. Ты же, рассматривая "Конец игры" Беккета, прослеживаешь как раз отношения "драматург - аудитория". Только ли

"YOU HAVE THE RIGHT TO HURT YOURSELF"

ценности, Э.Оуэн работает как представитель Корпуса Мира, взглядом на окружающую действительность и обилием творческих проявлений доказывая, сколь многообразной и нетривиальной, вопреки достаточно постному названию, является данная организация.

Предлагаем читателям "Цирка "Олимп" познакомиться с отрывками из беседы двадцатипятилетнего филолога с его коллегой по Самарскому университету Галиной Заломкиной.

- Расскажи, пожалуйста, немного о своем бэкграунде - чему учился, с какими последствиями...

Э.О.: Изучал индийскую и китайскую философии, причем, наиболее интересным было сравнительное изучение буддистских и дао текстов с четырьмя евангелиями. Получив степень по английской литературе, обучался литературному мастерству, вначале - беллетристике, потом практиковался в написании эссе разного рода...

- Что привело тебя в Россию? Как можно объяснить твоё желание работать здесь?

Э.О.: Это место всегда казалось мне наиболее интересным, тем более, что до девяносто первого года было совершенно невозможно попасть сюда. В детстве Россия была для меня только ужасающей картиной ночных приходов кэзбэшников, вытаскивания людей из домов и расстрелов. Я хотел увидеть вторую "мировую державу", то, что так долго именовалось злом...

- И каковы твои ощущения здесь?

Э.О.: Здесь, в другой стране, окружающая действительность порой представляется настолько чужой и сложной (когда даже купить продукты или разобратся в линиях метро или трамвая - настоящее испытание), как будто видимой в перевернутый телескоп. Близкие предметы, которые ты не можешь назвать из-за плохого знания языка, отдаляются. Я попытался выразить это ощущение в одной из последних моих картин - вот почему там так много телескопов. Мне они вообще всегда нравились. Возможность увидеть нечто, находящееся так далеко, интересна сама по себе. Одна из самых моих любимых пьес Бертольда Брехта - "Галилео".

- Всегда интересно спрашивать американцев об их предках, ведь почти всегда они - зримая часть мировой истории.

Э.О.: Я мало знаю о своих предках. Как-то никогда не было особого желания что-то разузнавать. Мои деды приехали из Швеции и Дании, жили в Луизиане, потом перебрались в Вашингтон. Пожалуй, единственной интересной вещью, которую я знаю о своем происхождении, является факт некоего родства с королем Англии.

- Действительно ли считается дурным тоном спрашивать американца о его религиозных предпочтениях?

Э.О.: Думаю, это зависит от человека. Большинство нерелигиозных американцев настолько устали от постоянных попыток мормонов, свидетелей Иеговы и других

Исповедь мне, правда, представлялась тратой времени, чем-то смешным. Но я всегда уважал чувства моих сверстников, для которых все было полно смысла.

Если ты что-то вкладываешь в понятие религии, ты можешь и извлечь нечто. Она помогает многим. О себе могу сказать, что по мере моих религиозных штудий я все более уважал людей, причастных к ней, но сам становился все менее религиозным, поскольку видел многообразие путей, которыми люди достигают религиозного удовлетворения. Религия облачается в разные одежды, но предстает единой, когда одежды спадают...

- Какие имена в современной англоязычной поэзии для тебя наиболее значимы?

Э.О.: Пожалуй, своим любимым поэтом я бы назвал американку Элизабет Бишоп. У нее очень интересные образы. Но это не импрессионизм, это другая сторона, иная форма наглядности, слова не осязаемы даже, но обоняемы.

Из наиболее популярных в Соединенных Штатах поэтов я бы упомянул постмодерниста Джона Эшбери, его стихи печатаются и продаются весьма активно. Они, главным образом, посвящены ЯЗЫКУ. Он просто говорит о первых впечатлениях от вещей, предметов, о языке, на котором мы строим свои представления, затем - о языке, которым мы выражаем эти представления. Эшбери пытается проследить процесс формирования идеи, выстраивания языка.

Я думаю, на него в сильной степени повлияли поэты-битники, с их передачей спонтанных чувств, сиюминутных впечатлений. Запечатление самого процесса сознания - вот главное в поэзии Эшбери. Его работы не воспринимаются как тщательно выстроенные произведения с основной идеей. Эшбери склонен подвергать сомнению "очевидные" истины, но в очень деликатной форме, не гротескно.

Один из первых, по моему мнению, настоящих американских поэтов, Роберт Лоуэлл, чьи стихи весьма традиционны, демонстрируют связь с классическими образцами британской поэзии, как-то раз попал на чтения битников в Сан-Франциско. Они выступали даже не с готовыми работами, они только размышляли вслух, разговаривали, но в достаточно поэтической манере, что и становилось, по сути, спонтанно создаваемыми стихами. Так вот, после чтений Лоуэлл подошел к Керуаку и Гинзбергу и сказал: "Я не знаю, чем я занимался всю свою жизнь, моя поэзия похожа на непомерных доисторических тварей, которые уже больше не соответствуют времени. В ней нет энергии и страсти". Думаю, он был одним из последних традиционалистов.

Вообще, в Америке любая традиция основана на создании ИНОЙ традиции. Вероятно, долгое время американские поэты

драматург однозначно нуждается в зрителях как части замысла, или всякая работа немыслима без воспринимающего, а стремление к независимости от него - только кокетство?

Э.О.: Писатель может попытаться продемонстрировать независимость. Аллену Гинзбергу, Чарльзу Буковски по-настоящему удавалось показать, что им не важно мнение аудитории, может, им и вправду было все равно.

Мне думается, что независимость в творчестве - это отсутствие стремления удовлетворять устоявшимся представлениям аудитории о том, что такое, скажем, поэзия. К примеру, Джон Эшбери сейчас, когда он так известен, может себе позволить игнорировать эти представления. Многие из его стихотворений вообще невозможно понять. Возможно лишь ухватить некоторые идеи, уследить за сменой фокуса, уловить этот самый поток сознания...

- Одной из причин скандальной известности "Голого завтрака" Берроуза было обильное использование в тексте табуированной лексики, ставшей не только стилистическим, но и структурирующим элементом текста. Но с момента выхода книги многое изменилось в головах обывателей, чья ошеломленность неприличностью книги во многом дополнила созданное Берроузом. Оскорбительность сна, ругательства и дериваты от них стали привычнее англоязычному уху, благодаря активному использованию в рок- и кино. Чего нельзя сказать о русских эквивалентах, применяемых в переводе "Завтрака", появление которых в средствах массовой информации немыслимо. Возможно, русский Берроуз на сегодняшний день относительно грубее английского.

Э.О.: Я полагаю, "Голой завтрак" все-таки читают как произведение искусства, то есть написан он не ради сенсационного рассматривания нетрадиционной сексуальности, наркомании и прочее. Действительно, шокирующий эффект книги уменьшался с течением времени как в смысле языка, так и в плане содержания, если говорить, к примеру, о

